

Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*, Warsaw, 1995. – Basingstoke: Macmillan Press, 1999.

Galasiński D., Jaworski A. The linguistic construction of reality in the Black Book of Polish Censorship // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8(3).

Głowiński M. Marcowe gadanie: komentarze do słów 1966-1971. Warszawa: PoMost, 1991.

Głowiński. Glosy // *Teksty Drugie*. 1998. № 3. S. 169-172.

Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.

Ilie C. An integrated approach to the analysis of participant roles in totalitarian discourse: The case of Ceausescu's agent roles // *Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind* / ed. by L. de Saussure & P. Schulz. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

Ilie C. The ideological remapping of semantic roles in totalitarian discourse or How to paint white roses red // *Discourse & Society*. 1998. Vol. 9(1).

Język polityki a współczesna kultura polityczna / Pod red. Janusza Anusiewicza i Bogdana Sicińskiego. Wrocław, 1994.

Ji F. Linguistic engineering: Language and politics in Mao's China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004.

Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.

Karpiński J.: Mowa do ludu: szkice o języku polityki. Warszawa: Wydaw. Grup Oporu "Solidarni", 1989.

Korzeniewska-Berczyńska J. Sowietyzacja języka rosyjskiego. Warszawa: UW. CBR, 1991.

Lu X. An Ideological/Cultural Analysis of Political Slogans in Communist China // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10(3).

Marody M. Język propagandy i typy jego odbioru. Warszawa, 1984.

Pisarek W. Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych "Universitas", cop. 2002.

Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.

Schäffner Ch., Porsch P. Meeting the Challenge on the Path to Democracy: Discursive Strategies in Government Declarations in Germany and the Former GDR // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(1).

Siewierska-Chmaj A.: Język polskiej polityki: politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004. Rzeszów: Wyższa Szkoła Informatyki i Zarządzania, 2006.

Schoenhals M. Demonising Discourse in Mao Zedong's China: People vs Non-People // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8 (3/4).

Socjalizmu model liryczny: założenia o rzeczywistości w mowie publicznej: Polska 1975-1979 Jan Strzelecki / tekst przygot. do wyd. Jadwiga Strze-

lecka; posł. Jerzego Szackiego. Warszawa: Czytelnik, 1989.

Weiss D. 1986. Was ist neu an „Newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. In: *Slavistische Beiträge 200. Slavistische Linguistik 1985*. S. 247-325.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // *Rev. Étud. slaves*. Paris, 1982, V. 54, № 3.

Zwoliński A. Słowo w relacjach społecznych. – Kraków: WAM, 2003.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2008

Вайс Д.

Цюрих, Швейцария

Перевод: Быкова Л. В.

**ПАРАЗИТЫ. ПАДАЛЬ. МУСОР.
ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ¹**

Abstract

The article presents metaphorical representation of ideological opponents in Soviet propaganda. The author focuses on figurative representation of enemies as parasites, carrion, spiders, flies, germs and rubbish.

Данная статья возникла в контексте междисциплинарного исследовательского проекта по истории пропаганды в Советском Союзе и Польской Народной Республике. Она опирается прежде всего на работы Ренаты Куммер² и Даниеля Вайса³, предметом которых является использование в пропагандистских целях элементов научного (медицинского, биологического) дискурса. При этом речь шла о современном оформлении метафоры *Тело социума и его недуги*. До нового времени последние приписывались, как указывает Гульдин, социально маргинальным группам (евреи, нищие, бродяги, преступники, проститутки и т. д.); источниками метафор наряду с такими традиционными заразными болезнями с явной внешней симптоматикой (гноиники, язвы), как чума и проказа, чаще всего служили распространенные в это время среди городского населения глистные заболевания⁴. С развитием со-

¹ Поддержку проекта осуществлял Швейцарский Национальный фонд (1996-2001 гг.) В разное время в проекте участвовали семь сотрудников, на сегодняшний день опубликовано более 30 статей. Полную информацию см. на www.unizh.ch/slav/ (последнее обновление 15.07.05).

² Ср. Kummer R. Ljubi Rodinu bol'se žizni - Ja bol'se ne mogu. Der plakatpropagandistische Todesdiskurs im Spannungsfeld der Gut-Böse-Dichotomie // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 259-335.

³ Ср. Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit "alt" und "neu" // *Vertograd "mnogocvetnyj. Festschrift für H. Jachnow / Wolfgang Girke, Andreas Guski u.a. (Hg.). München, 1999. S. 271-292; Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S.191-257.*

⁴ Ср. Guldin R. Körpermetaphern. Zum Verhältnis von Medizin und Politik. Würzburg, 2000. S. 187-211.

временной медицины и гигиены, строительством канализационных систем и пр. чума и гельминты утратили силу своей образности в коллективном сознании. Благодаря достижениям бактериологии в употребление вошли наименования новых возбудителей болезней. Наряду с этим в метафорическом употреблении остались зооморфные переносчики болезней (насекомые-паразиты). Сильные и слабые стороны отдельных групп маркеров пейоративного отчуждения очевидны. Нарывы, язвы и прочее прекрасно визуализировались и непременно вызывали отвращение, но их можно было при необходимости вскрыть и обезвредить⁵. Гельминты же – как внутренний враг человека, ползающий по его собственным внутренностям, перед которым он совершенно бессилён. Бактерии и вирусы творят свое бесчинство в микроскопически скрытом мире, что исключало возможность их какой-либо визуализации, и за счет этого они представлялись еще более страшными. Исследование относительного веса различных групп метафор в политическом дискурсе может, такова наша гипотеза, помочь в дальнейшем сделать вывод о стратегиях отнесения к не-своим, лежащих в основе различных политических систем. Для более полного освещения своеобразия советской пропагандистской метафорики с этой точки зрения, в отдельных случаях были привлечены примеры из пропаганды Третьего Рейха⁶.

Медицинский дискурс оставил свой след в языках обеих пропаганд. Так называемые «Иные», подлежащие изолированию и вытеснению, приравнивались к инородным телам, паразитам и возбудителям болезней. В случае идеологии национал-социализма эта разновидность диффамации использовалась значительно интенсивнее. В качестве примера можно привести следующие отрывки из «Майн кампф» / «Mein Kampf»: «революционные клопы», «еврей – это личинка в гнойнике на теле немецкого народа»; «паразит в теле других народов»; «паразит, который, как бацилла, распространяется все больше»; «вечная грибковая бактерия человечества»; «еврейский возбудитель болезней»; «ужасное отравление здоровья тела народа»; «зараза, худшая, чем сама черная смерть»; «заражение нашей крови»; «разложение нашей крови», «тела нашего народа»; «трупный яд марксистских представлений»⁷.

⁵ Ср. существующую с античности метафору социального хирурга. Об этом Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt am Main, 1994. S. 134-138.

⁶ О систематическом сравнении языка сталинской и национал-социалистической пропаганды Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Konstanz; München, 2003. S. 311-361.

⁷ Цитировано по: Winckler L. Studie zur gesellschaftlichen Funktion faschistischer Sprache. Frankfurt am Main, 1970. S. 84 f.; Neumayr A. Diktatoren im Spiegel der Medizin. Napoleon – Hitler –

Навязчивые состояния Гитлера, например диагностированная Эрихом Фроммом склонность к некрофилии, приняли здесь особенно отвратительные формы; однако антисемитская традиция уже в 19 веке использовала те же мрачные источники⁸. Гитлера, в его вербальной необузданности, не смущали и катахрезы, как в следующей цитате: «*выжечь до мяса язвы внутреннего отравления наших колодцев*»⁹.

В появившейся в то же время советской пропаганде дело обстоит по-другому. Там особенно популярным было слово «паразит», которое оставалось центральным ругательством до конца существования языка советской политической пропаганды, и уже давно стало одним из самых частотных ругательств в повседневной речи. Новая социалистическая система претендовала на то, что сумела создать общество без паразитов и нахлебников, то есть без бездельников и эксплуатируемых классов. Эта метафора как абстрактное родовое понятие (паразиты могут быть растительными и животными и принимать все возможные формы) едва ли может быть визуализируемой и, соответственно, не вызывает отвращения. Более годными оказались метафоры *гниения* и *разложения*, употребительные со времен Ленина, как в следующей цитате 1913 года: «Цивилизация, свобода и богатство при капитализме напоминают вконец зажившегося богача, гниющего уже при жизни, который не позволяет жить всему, что молод»¹⁰.

Возможность употреблять эту группу метафор не только абстрактно («прогнившая система») или применительно к группе людей («загнивающая буржуазия»), но и по отношению к отдельным людям сохранилась и позднее. Так Сталин в письмах к Молотову обрушивался с нападками на «насквозь прогнившего Туманова». В своем докладе на закрытом заседании двадцатого Съезда партии Хрущев говорит о сталинском судебном следователе Родосе, «ничтожной личности с куриными мозгами, морально полностью разложившемся человеке», а сре-

Stalin. Wien, 1995. S. 178 (здесь без точного указания источников). Все выделения курсивом в последующих цитатах сделаны мной.

⁸ Так, Гитлер по Неймайеру сказал в начале 1941 г.: «Я чувствую себя Робертом Кохом от политики. Он открыл бациллу и указал медицине новые пути. Я изобличил в еврее бациллу, которая разлагает общество» (Neumayr, op. cit., S. 202). Но удивительным образом обнаруживаются более ранние примеры употребления подобных метафор. Так, Анри Лагард еще в 1888 г. рекомендовал следующее «радикальное средство»: «С трихинеллами и бациллами не ведут переговоров, их также не „воспитывают“, их как можно быстрее и основательнее обезвреживают». Прочитировано по: Heid L. Was der Jude glaubt, ist einerlei ... Der Rassenantisemitismus in Deutschland // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. Wien, 1995. S. 240.

⁹ Цитировано по: Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Konstanz; München, 2003. S. 325 f.

¹⁰ Хрущев Н. С. Коммунизм – мир и счастье народов, т. 2. Москва, 1962. С. 18.

ди главных героев одного из современных фильмов в 1963 году он обнаружил «иногда еще встречающихся бездельников и полуразложившихся типов»¹¹. Дополнительная связь с продуктом гниения плесенью порой приводила к причудливым конструкциям, как в следующем примере из прессы позднего сталинского периода: «Что иное, кроме гнилостной плесени на теле разлагающейся буржуазии, представляют собой разные Сартры?». Не чужды этому дискурсу были также гнойники, язвы и пр. Так, приговоренный в 1937 году к смертной казни Рудзутак дал во время допроса следующие показания о пыточных методах: «Единственная просьба к суду довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными»¹².

В этом примере примечательно то, что возбудитель болезни является частью собственной системы, в то время как обычно язвы были привилегией гнивающего Запада. Так еще в 1981 году «Литературная газета» писала о «терроре, коррупции и многих других язвах на теле капитализма, которые с каждым годом воняют все сильнее». Очевидно, что здесь привлекается и чувство обоняния, как и у Хрущева, который говорил о «тухлой идее „абсолютной свободы“».

Исследование показывает, что если использовался каузатив «разлагать» со значением истлевания, соответствующий агент всегда был неметафорическим (например, буржуазные идеи, эгоистическая психология, идеология декаданса). Возбудители болезней, напротив, хотя и встречались в ранней советской пропаганде, но указывали на вполне реальные, неметафорические опасности заражения. Так, на пропагандистском плакате 1920 г. доминирующими становятся два огромных идущих на задних лапах черных таракана, за которыми следует смерть с косой. Из своих сумок с надписью „заразные бактерии“ они сеют повсюду подобную насекомым и микробам тварь, от чего один за другим погибают люди. Надпись на плакате гласит: «Все на борьбу с переносчиками болезни насекомыми» (в параллельной версии на украинском языке вместо насекомых „паразиты“)¹³. И платяная вошь как переносчик сыпного тифа, от которого за четыре года умерли три миллиона человек, побудила Ленина сказать: «Или вошь побе-

дит социализм, или социализм победит вошь»¹⁴. И наконец, на политических плакатах фигурирует червяк, но не в своем историческом метафорическом образе маргинальных гельминтов в теле общества, а как сельскохозяйственный вредитель, который ассоциируется с кулаками и торговцами¹⁵.

Но самым популярным из использовавшихся метафорически животных раннего советского зверинца был паук. Его иконографический эффект был двояким. С одной стороны, паук олицетворял кровососа, и, соответственно, классового врага. Интересно, что чаще всего так называли попов, как в «народной загадке» 1932 г.: «В деревне маленький паук отбирает деньги у крестьянок»¹⁶. С другой стороны, паутина индизировала все старое, запущенное, пришедшее в упадок, что представлялось особенно привлекательным в 1920-х гг. в связи с повсеместным использованием противопоставления «старый мир» – «новый мир» (= социалистическая система)¹⁷. Так в правом верхнем углу плаката 1920 г. с надписью «Долой кухонное рабство – даешь новый быт» видна паутина. Изобразительное послание раскрывается в прямом смысле слова плакатными средствами. Молодая рабочая представляет своей соратнице взгляд на светлое будущее, основанное на разделении труда, в котором и современное здание фабрики, и «столовая», и «ясли», и «клуб». Кровососы и пыль, конечно, тоже хорошо комбинировались друг с другом. Плакат 1920-х гг. изображает толстого попа, окруженного паутиной, который протягивает руку, чтобы схватить верующего крестьянина. В сопроводительном тексте певца пропаганды Д. Бедного среди прочего можно прочесть: «Ваши души он „спасал“ – Вашу кровушку сосал / Да кормил жену и чад – / Паучиху, паучат».

Пауки и змеи относятся в наивной зоологии к *гадам*, то есть вызывающим отвращение пресмыкающимся. Это слово также относится к излюбленным ругательствам повседневной речи. В плакатной пропаганде времен Второй мировой войны *гад* превращается в монстра в виде то змееподобной, то скорпионообразной свастики с

¹⁴ Ibid., S. 285.

¹⁵ Подробнее об этом см. Guldin, op. cit., S. 206-211; Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 218.

¹⁶ Weiss D. Missbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij folklor“ // Slavistische Linguistik Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998. München 1999. S. 312.

¹⁷ Об этом противопоставлении в общем и его втором рождении при Хрущеве см. Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd „mnogocvetnyj. Festschrift für H. Jachnow / Wolfgang Girke, Andreas Guski u.a. (Hg.). München, 1999. S. 271-292.

¹¹ Эта связь между ленью и плесенью, как указывает Гульдин, восходит к античности. Так еще Платон называл лентяев гнойными нарывами общества. Ср. Guldin, op. cit., S. 183. Стагнация как причина загнивания также ментальный образ у Гегеля. Ср. Münkler, op. cit., S. 138.

¹² Оба примера из: Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Faulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Daniel Weiss (Hg.). Bern; Frankfurt, 2000. S. 322.

¹³ Цит. по Kummer, op. cit., S. 322.

когтями, раздавленной прикладом винтовки, или наколотой на штык¹⁸.

По сравнению с языком советской пропаганды в пропаганде национал-социализма метафора кровососа получила намного более творческое оформление. Так дополнительно к уже процитированному в начале формулировка постоянно обнаруживаются метафоры, подобные следующим: «трутень, затаившийся среди людей»¹⁹, «паук, который медленно сосет кровь из пор народа», «враждующая друг с другом до крови стая крыс», «вечная пиявка»²⁰, «вампир народов»²¹. Перечень можно продолжить «мировым полипом» в образе ведомого инстинктом еврейского насильника, который склоняется над беззащитной Германией²². Всех этих жутких тварей – личинки, пиявки, полипы, вампиры, бактерии – в советской пропаганде практически не было²³, только трутень использовался как одно из многочисленных обозначений исключения из общества уклоняющихся от работы личностей. На фоне такой сдержанности следующую цитату из одного из сочинений Ленина 1917 г., не опубликованных при его жизни, можно считать настоящей находкой:

Многообразие форм контроля за богачами, мошенниками и лентяями это гарантия успеха в достижении общей цели: очищения русской земли от *вредных насекомых*, от *блох* (мошенников), от *клопов* (богачей). В одном городе около десяти богачей, дюжину мошенников и полдюжины лентяев, уклоняющихся от работы, посадят в кутузку. (...) В другом их отправят убирать туалеты. В третьем им после содержания в карцере выдадут желтый билет²⁴, чтобы народ мог следить за ними как за вредными элементами вплоть до их исправления. В третьем каждого

десятого виновного в туеядстве расстреляют по приговору военно-полевого суда²⁵.

Здесь мы наблюдаем ранний аналог революционных клопов национал-социалистической пропаганды. Двумя страницами выше автор осыпает тех же самых врагов настоящей лавиной ругательств. Он называл их «отбросами человечества, этими безнадежно прогнившими, некротными членами, этой эпидемией, чумой, этой язвой, которую капитализм оставил в наследство социализму»; чуть дальше они превращаются во «врагов народа». Несмотря на позднюю публикацию этой работы Ленина 1929 г., пассаж о «вредных насекомых» стал модельобразующим. Слегка видоизмененный вариант обнаруживается в дальнейшем в «Правде»²⁶ 1923 г. Показательным является возобновление использования его в передовице в «Правде» от 9 января 1938 года, накануне открытого процесса в Москве против Бухарина, Рыкова и других: «Наш народ беспощаден к своим врагам (...) Он стремится к достижению поставленной Лениным цели "очищения русской земли от всех *вредных насекомых*", и успешен в этом».

Традиционным становилось в особенности графическое изображение: на плакате 1920 г., сюжет которого заимствован из газеты «Беднота» от 10 октября 1918 г., можно увидеть Ленина, который выметает метлой легко узнаваемых по их знакам отличия пережитки феодализма, а именно царя, духовенство, буржуазию. Надпись на плакате гласит: «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти». Зооморфное происхождение метафоры, однако, не отображается графически.

Здесь налицо все обороты речи, обладавшие образным воздействием. Сейчас вредители животного происхождения больше не упоминались по отдельности²⁷, а обобщались в языке как паразиты или насекомые, ассоциировавшиеся с грязью или мусором, которые следует *вымести метлой*²⁸. Последняя поначалу постоянно присутствовала в пропагандистском арсенале и служила для удаления всех видов органических отходов. Тем самым она выполняла ту же функцию, что и пинок сапога красноармейца, который намного реже представлялся графически. Опе-

¹⁸ Ср. изображения плакатов в Finkova D., Petrova S. The Militant Poster 1936-1985. Prague, 1986. S. 57.

¹⁹ Этот образ паразитирующего еврейского трутня входил в постоянный инвентарь антисемитских стереотипов. Его графическое изображение со стереотипными „еврейскими“ чертами было помещено в журнале «Кукареку» (1894 г.), оно сопровождается стихотворением для запоминания правила: «Зачем трудиться рабочим пчелам, они должны постоянно служить ленивым трутням, которые вкушают плоды их трудов, и при этом их количество постоянно увеличивается». См. Heid, op. cit., S. 239.

²⁰ Уже тогда вызывающая отвращение визуализация пиявки как червяка доминировала над изначальной терапевтической полезностью ее как инструмента для кровопускания.

²¹ Процитировано по: Winckler, op. cit., S. 87; Neumayr, op. cit., S. 178.

²² von Braun Ch. Antisemitische Stereotype und Sexualphantasien // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. Wien, 1995. S. 187.

²³ Однако Хрущев позднее привнес монополистического спрута.

²⁴ Желтым билетом в царской России называли удостоверение проститутки. Текстуальное сопоставление туалета и проституции в этой цитате указывает на метонимическую и метафорическую связь между опорожнением тела и контролируемой сегрегацией маргинальных слоев общества.

²⁵ Процитировано по: Константин Душенко. Русские полицейские цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда было сказано? Москва, 1996, с. 44 и след.

²⁶ Приведено (к сожалению, без указания источника) у Ромашова «Основная задача состоит в очищении русской земли от разных насекомых: от блох (мошенников), от клопов (богачей)». См.: Ромашов Н. Н. Ранняя советская публицистика: использование в ней образных мотивированных единиц // Сообщения для преподавателей славянских языков. 2000. С. 9.

²⁷ Отдельное упоминание есть в примере из «Правды», который приводит Ромашов (опять же без точного указания источника): «очистим железной метлой ряды партии от осиних гнезд».

²⁸ Следует отметить, что В. И. Ленин использует не лексему „чистка“, которая была столь популярна с 20-х годов применительно к рядам партии или сотрудникам предприятий, а „очистка“.

рирующими метлой наряду с Лениным и после него действовали и другие. На расписанном агитационном поезде, курсировавшем в 1919 году, в этой роли изображен молодой человек, который обращается прямо к метле: «Вымети, метла, быстро и безжалостно завшивевших царей и королей!» На одном из плакатов известного карикатуриста Виктора Дени в 1930 г. красная метла выметала из советского канцелярского кабинета совсем другой мусор, причем выметаемые снабжены надписями: «лодырь», «бюрократ», «оппортунист» (в сопутствующем лозунге используется другое сочетание: «Волокитчика, бюрократа, вредителя вон из Совета!»).²⁹ Как и другие обороты речи времен Гражданской войны, метла пережила второе рождение во время Второй мировой войны. На плакате того же карикатуриста в 1943 году ее можно увидеть как продолжение винтовки в руках красноармейца: на винтовке написаны названия выигранных битв, а лозунг гласит: «Красной Армии метла нечисть выметет дотла». Этот вербальный прогноз предвосхищается изображением: на левой стороне плаката (это значит, на Западе) летят по воздуху изображенные маленькими и звероподобными обезоруженные нацистские офицеры. В 1945 г. будущее время сменяется прошедшим, указывающим на свершившееся действие: «Метла Красной Армии вымела всю нечисть», при этом на выполненной красным цветом надписи черным выделяется слово «нечисть», а красноармеец топчет разорванное нацистское знамя.

«Нечисть» представляла собой центральную лексему. Русское слово „нечисть“, как и его немецкий аналог, является собирательным именем. Но в отличие от нем. *Ungeziefer* оно полисемично: его этимологическое значение – «нечистый»³⁰, поэтому оно также обозначает в поверьях всех возможных нечистых духов (лесных и речных духов, ведьм и даже черта, который считался «нечистой силой»). Его зоологическое значение описывается в словарях как «неприятные, вызывающие отвращение насекомые», затем оно было метафоризировано и приобрело релевантное в данном случае значение «достойные презрения люди». В немецком языке оно обозначает то же, что и «сброд» или «отребье». Оба этих факта – абстрактное происхождение и собирательная референция – с одной стороны, затрудняли визуализацию (тех, кого надо было отнести к не-своим, никогда не изображали насекомыми), но с другой стороны, позволяли включение новых образов врага, недостатка в которых в советской пропаганде, действительно,

никогда не было. Если первоначально *нечистью* называли различных противников в Гражданской войне, то позднее так стали называть новых, преимущественно мнимых внутренних врагов сталинской системы, и, наконец, немецкого противника во время войны. Последнее подтверждают, например, строки из песни времен Второй мировой войны: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой. *Гнилой фашистской нечисти* загоним пулю в лоб, *отребье человечества* скотлим крепкий гроб!» Значение «нечистая сила» здесь, явно, тоже присутствует. Так или иначе, речь идет о мусоре и нечистотах, которые надо удалить куда следует.

Первоначальный зверинец сохранился в коллективном сознании и в послевоенное время. Еще в 1963 г. Н. С. Хрущев воспользовался этим в своей инвективе против художников и режиссеров-диссидентов:

В первые годы советской власти против революции, Ленина и власти рабочих и солдат открыто выступили социал-революционеры, анархисты, меньшевики, конституционные демократы и прочее *отребье*, которые выражали волю эксплуататоров и интервентов, будучи их агентами и слугами (...) Весь меньшевистский, социал-революционный, анархистский сброд поступил на службу контрреволюции, стал ее прислугой³¹.

Хрущев проявил себя здесь, как обычно в пропагандистском плане, продолжателем традиции, почитающим то или иное слово из досталинского периода. Но он также был сенсуалистом, смакуя разрисовывающим именно отвратительные картины, как показывает следующий пассаж из процитированной выше речи: «Чем меньше у человека чувства ответственности, тем с большей легкостью устремляются на этот материал любители сенсаций и любители «жареного». (...) Вы состряпаете сенсацию, подадите ее как „жареное“, и кто же на это набросится? На такое «жареное» слетятся, как на падаль, мухи, огромные жирные мухи, и сползется вся буржуазная *нечисть из-за границы*»³². Контекст здесь образуют дебаты о разоблачении культа личности Сталина, начатые первоначально Хрущевым, сделавшим доклад на закрытом заседании в конце двадцатого Съезда КПСС в 1956 г., отголоски которых обнаруживаются и в советской литературе периода оттепели. Слово „жареное“ первоначально было использовано

²⁹ Victor Deni. Ein russischer Karikaturist im Dienst der Propaganda, Museum für Kunst und Gewerbe. Hamburg, 1992. S. 102.

³⁰ Дореволюционные словари приводят значение «грязь, мусор, отбросы», позднее оно исчезает из лексикологической практики. Надпись на рис. 3 по-русски звучит: «Тов. Ленин очищает землю от нечисти», здесь присутствует игра с первоначальными антонимами (очищать – нечисть).

³¹ Н. С. Хрущев «Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г.» в: «Знамя», 1963 г., № 4, с. 7 и след.

³² Там же.

как синоним «сенсации»³³, но затем оратор на свой обычный манер вошел в импровизационный раж – при втором упоминании жареное сравнивается с падалью, которая своим запахом привлекает мух и иностранную нечисть. Тем самым, однако, актуализируется фразеологизм *пахнет жареным* – «пахнет сенсацией» (в словаре дается с пометкой «просторечие»). То, что та же «падаль»* семью годами ранее было поднята тем же оратором в отношении партийной общественности, казалось неважным: тот, кто об этом заговаривал, так или иначе становился потенциальным сообщником внешнего врага. По принципу «Рыбак рыбака видит издалека» мусор в собственных рядах будет притягивать нечисть извне³⁴.

* [Имеется в виду содержание (разоблачение) культа личности), не слово как таковое!]

В выборе обозначения «питающегося падалью» Хрущев останавливается на нейтральном обозначении *муха*, а не *козявка*, имеющем в русском языке коннотацию крошечного и недостойного³⁵.

Еще одна метафора чужеродного тела относится не к животной, но к органической сфере – *сорняк*. В ней суммируется значение всего неугодного, что подтверждает следующий пример: «На современном этапе коммунистического строительства необходимо вести еще более решительную борьбу против таких пережитков капитализма, как лодырничество и тунеядство, пьянство и хулиганство, жульничество и стяжательство, против рецидивов великодержавного шовинизма и местного национализма, бюрократизма, неправильного отношения к женщине и других. Этим сорнякам не должно быть места в нашей жизни»³⁶. Хотя здесь речь идет о якобы унаследованных, уже давно растущих сорняках, сохраняется, однако, и опасность занесения семян новых сорняков извне: «Ведь буржуазным кругам на Западе очень понравилось бы, если бы мы сложили руки и дали бы расти в нашем обществе идеологическим *сорнякам*, чьи семена выведены идейными селекционерами капитализма. Нет, мы хотим, чтобы наше поле было *чистым*, и оно будет чистым»³⁷.

³³ Немецкая идиома «den Braten riechen» имеет другое значение – «смекнуть, понять, чем дело пахнет»: жареное обозначает здесь не сенсацию, а приманку или разгаданную хитрость.

³⁴ Вообще-то в советской пропаганде наряду с «паразитом» существовал еще один пожиратель падали, этимология которого также восходит к падали. На плакате Виктора Дени 1944 г. изображена сильная рука советского солдата, которая душит нацистского стервятника (ср. др.-русск. стьрва = 'труп', польск. scierwo 'падаль' и т.п.). Надпись на плакате: «Фашистский стервятник понял, что у нас нет овчарни».

³⁵ Так, в «Кратком курсе», т.е. официальной истории партии 1938 г. представителей так называемого троцкистско-бухаринского блока, т.е. жертв московского открытого процесса 1938 г. носили сначала как «белогвардейских пигмеев», а затем как «ничтожных козляков».

³⁶ Хрущев Н. С. Коммунизм, т. 2, см. прим. 10, с. 130.

³⁷ Хрущев Н. С. К победе разума над силами войны, Москва, 1964 г., с. 119.

Этот отрывок содержит также этимологический антоним *чистый*, корень *сор-* в слове *сорняк* обозначал «отходы». Производный глагол *засорять* мог быть употреблен для обозначения «живого» мусора, что подтверждает следующий отрывок из мемуаров Хрущева, в котором речь идет об уничтожении украинских антисоветских партизан после окончания Второй мировой войны: «Местное население было сильно засорено украинскими националистами, которые сотрудничали с немцами»³⁸. Данное употребление слова было не только агитационной провокацией, оно обнаруживается также, например, в прошении об отставке на имя Сталина оказавшегося в опале и обреченного на смерть начальника НКВД Ежова от 23.09.1938: «Иностранную разведку по существу придется создавать заново, так как ИНО было засорено шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленными иностранными разведками агентурой»³⁹. Здесь еще раз был перекинут мостик от чужеродных тел, бацилл и паразитов к мусору, сору или грязи (сравните выше *нечисть*).

В итоге можно сделать на первый взгляд удивительный вывод. Если рассматривать только зоологическую метафору, оказывается, что национал-социалистическая пропаганда со всем разнообразием своей лексики нападала на единственного врага, в то время как советская пропаганда после Ленина употребляла единственную лексему «нечисть» для обозначения множества врагов. Причина языковой асимметрии этих дискурсов кроется в различной генеалогии: хотя и советская, и национал-социалистическая пропаганда основывались на дискурсе современной медицины и гигиены, он был намного ближе нацистской идеологии из-за ориентации на биологический принцип. Кроме того, нацисты использовали два сомнительных источника, которые не могли быть использованы основанной на идее равенства советской идеологией, а именно антисемитскую традицию XIX века и псевдонаучную биологическую расовую теорию.

Такое дискурсивно-историческое объяснение, однако, не является достаточным. Также вряд ли можно говорить о сдвиге в сторону гуманизма в политической метафорике сталинского СССР, где на смену гельминтам пришла метафора грязи и мусора. Возможно, решающую роль в этом сыграла неконгруэнтность образов врага: мишенью национал-социалистической пропаганды была единственная группа врагов, в итоге, всех врагов можно было свести к общему «еврейскому знаменателю» (ср. мировой жид,

³⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты, Москва, 1997, с. 99.

³⁹ Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители: Л. Кошелева, Л. Рогова, О. Хлевнюк и др., Москва, 1995, с. 157.